

МИРА ЛИНЧ

РАЗВОД В 42

*МУЖ ПРОМЕНИЛ МЕНЯ
НА МОЛОДУЮ*

— психологический любовный роман —

Мира Линч

**Развод в 42. Муж променял
меня на молодую**

«Литнет»

2026

Линч М.

Развод в 42. Муж променял меня на молодую / М. Линч —
«Литнет», 2026

Ей сорок два. У неё двое детей, уютный дом и двадцать лет брака, которые казались нерушимыми. Она верила, что их семья — это скала, а он — её опора. Но однажды она возвращается домой раньше времени и застаёт мужа в постели с девушкой, которая годится ему в дочери. Мир рушится за одну секунду.

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Утро после	8
Глава 2. Чай, печенье и тактика выжженной земли	12
Глава 3. Юрист. Цифры. Правда	15
Глава 4. Запах его одеколона и другие триггеры	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Пролог

Пролог

Запах — вот что я запомнила сначала. Не его одеколон, которым он пользовался последние пять лет и который я ненавидела (слишком сладкий, приторный, как дешевый сироп). И не ее духи — хотя они, черт возьми, витали в воздухе, сладкие и наглые, пропитывая каждую нитку ковра в нашей спальне.

Я запомнила запах собственного страха. Ржавый, металлический привкус во рту, когда я повернула ключ в замке на два часа раньше, чем обычно. В моей голове уже крутился сценарий: я приеду, а он сидит в гостиной, читает новости с планшета, поднимет на меня свои карие глаза и скажет: «Ты рано, Алис. Я не успел заказать суши».

Но он не сидел в гостиной.

Суши вообще не пахли.

Я шла по коридору, и каждый шаг отдавался в висках. Я знала это чувство — предчувствие беды. Оно всегда начинается где-то в солнечном сплетении, холодным комком, который разрастается и перекрывает кислород. Я сняла туфли. Зачем? Чтобы они не услышали меня? Чтобы застать их врасплох? Дура. Какая же я была дура.

Дверь в спальню была приоткрыта. Свет не горел, но уличные фонари бросали сквозь жалюзи полосатые тени на стену. И я увидела ее. Его спину. Родную, до дрожи знакомую спину с родинкой чуть ниже левой лопатки. Он лежал на животе, раскинув руки, как ребенок, которому приснился хороший сон.

А рядом, уткнувшись носом в его плечо, спала она.

Молодая. Наглая. С идеальной кожей, которая светилась в полумраке, как жемчуг.

Я не закричала. Я не стала швырять в них вазу, как делают в фильмах, где женщины в моем возрасте полагаются на истерику. Я просто стояла и смотрела, как моя жизнь, выстроенная по кирпичикам двадцать лет, рассыпается в прах. Я смотрела на ее руку, которая лежала у него на груди, и почему-то думала о том, что у нее короткие ногти. Без маникюра. Просто аккуратные, бледно-розовые ногти. Как у подростка.

Господи, она же подросток почти.

Мой муж, отец моих детей, спит с девочкой, у которой нет даже маникюра.

В тот момент я не плакала. Организм включил защитный механизм — полное, абсолютное онемение. Как будто меня вытащили из моего же тела и поставили в угол, наблюдать за чужой драмой. Я сделала шаг назад. Потом еще один. Я не хотела, чтобы они просыпались. Я боялась того, что сделаю, если он откроет глаза и посмотрит на меня. Не с ужасом. А с раздражением. С тем самым, с которым он смотрел на меня последние полгода, когда я просила его вынести мусор или поговорить с сыном об оценках.

Я вышла из квартиры так же тихо, как вошла.

И только в лифте, глядя на свое отражение в зеркальной стене, я увидела, как по моим щекам текут слезы. Молча. Без звука. Просто черные дорожки туши, которую я накрасила утром, думая, что иду на важные переговоры. А шла я на встречу со своей собственной смертью.

Сорок два. Не сорок пять, еще есть время. Но, черт, это не время. Это пропасть.

Когда дверь лифта открылась, я достала телефон. Нашла его имя. Написала одно единственное слово. Без восклицательного знака. Без вопроса.

«Ты спишь?»

Ответ пришел через минуту. С той кровати. Из-под ее руки.

«Да, милая. Устал. Завтра поговорим».

Я усмехнулась. Истерический смех рвался наружу, и я зажала рот ладонью, чтобы не разбудить консьержку. Милая. Он назвал меня милой, пока его член еще был влажным от нее.

Вот с этого и начался мой развод.

Нет, не с измены. Со лжи. С этой простой, бытовой, кухонной лжи, которая оказалась страшнее, чем сам факт секса в моей кровати.

Я вышла на улицу. Ночной город дышал влажным апрельским холодом. Я обхватила себя руками и поняла одну простую вещь, которая в тот момент показалась мне откровением: либо я умру прямо сейчас, прямо здесь, от разрыва сердца, как героиня дешевого романа, либо... Либо я выживу. И тогда он заплатит.

Не деньгами. Нет. Я не собиралась требовать алименты, как какая-нибудь обиженная домохозяйка. Я хотела, чтобы он увидел. Чтобы он понял, что променял не просто «жену». Он променял воздух, которым дышал.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как холод обжигает лёгкие. В носу защипало. Я вытерла мокрое лицо тыльной стороной ладони, размазывая остатки туши по щекам, и сделала первый шаг.

Шаг в никуда.

Я вышла из подъезда и остановилась посреди пустой улицы. Город спал, и только редкие фонари освещали мокрый асфальт. Я смотрела на окна своей квартиры — там горел свет. Свет в спальне. Он горел, когда я уходила. Он горел, пока я стояла в лифте. И он продолжал гореть теперь, когда я стояла на улице и смотрела на него снизу вверх, как на чужую жизнь.

Они даже не проснулись. Он даже не почувствовал, что я стояла там, в дверях. Что я смотрела на них. Что я ушла.

Я перевела взгляд на свою машину, припаркованную у обочины. Ключи всё ещё были в кармане куртки. Я могла сесть в неё, завести двигатель и уехать. Куда угодно. В другой город. В другую жизнь. Но я просто стояла и смотрела на свет в окне, и внутри меня разрасталась пустота.

Мне некуда было идти.

Только к Тане.

Я достала телефон и набрала её номер. Трубку взяли после второго гудка.

— Алиса? — голос Тани был сонным, но в нём уже звучала тревога. — Что случилось?

— Тань, — сказала я, и голос мой сорвался. — Я не могу. Я не могу быть одна. Можно я приеду?

Я услышала, как она села на кровати, как зашуршало одеяло.

— Конечно. Я открываю дверь.

Я села в машину. Руки дрожали, и я сжимала руль так сильно, что побелели костяшки. Дорога до Таниного дома заняла всего двадцать минут, но они тянулись вечно. Красный свет, зелёный, снова красный. Я смотрела на дорогу, но не видела её. Я видела только её руку на его груди. Её короткие ногти. Её волосы на моей подушке.

Когда я припарковалась у Таниного подъезда, она уже стояла у входа — в халате, с расчёсанными волосами, без грамма макияжа. Она подошла к машине, открыла дверцу и просто протянула мне руку.

— Выходи, — сказала она.

Я вышла. Она обняла меня, и я почувствовала запах её дома — корицы и мокрой собаки, хотя собаки у неё не было уже два года. Я уткнулась лицом в её плечо и не плакала. Слёз больше не было. Только пустота.

— Я видела их, — сказала я в её плечо. — Я застала их в нашей постели. Он спал с ней. В нашей кровати.

— Я знаю, — сказала Таня тихо. — Ты не думай об этом сейчас.

Она отвела меня в квартиру, усадила на кухне, поставила передо мной кружку горячего чая. Я сидела, обхватив кружку ладонями, и смотрела, как пар поднимается к потолку. Таня села напротив и молчала. Она не задавала вопросов. Она просто ждала, пока я заговорю.

— Я не знаю, что делать, — сказала я наконец. — Я не знаю, куда идти. Я выгнала его. Сказала, чтобы он уходил. Но у меня нет денег, нет работы, нет ничего. Только дети. И этот дом, который принадлежит ему.

— У тебя есть я, — сказала Таня. — И это не «ничего». Это целый мир.

Я подняла на неё глаза. В них стояли слёзы, но я не давала им пролиться.

— Я не хочу быть жертвой, Тань. Я не хочу, чтобы меня жалели.

— Тебя никто не жалеет, — ответила она. — Мы просто будем рядом. Пока ты не встанешь на ноги.

Я кивнула и сделала глоток чая. Он обжёг горло, и это было хорошо. Боль напоминала мне, что я жива.

Таня постелила мне на диване, принесла плед и подушку. Я легла, укрывшись с головой и смотрела в стену. За окном занимался рассвет, и я слышала, как город просыпается.

Я думала о том, что всё изменилось. Всё. И я больше никогда не буду прежней Алисой. Той, которая ждала мужа с ужином и покупала бельё, которое ему нравится. Той, которая терпела молча, когда он говорил, что она слишком много просит. Той, которая боялась одиночества больше, чем предательства.

С этого момента я начинаю жить для себя. Или умру, попытаюсь.

Посмотрим.

Я закрыла глаза, и сон пришёл не сразу. Я ворочалась, перебирала в голове слова, которые сказала ему, его лицо, её лицо. Но постепенно усталость взяла своё, и я провалилась в темноту.

Проснувшись я от запаха кофе. Таня стояла на кухне и смотрела на меня с тревогой.

— Ты как? — спросила она.

— Жива, — ответила я, садясь на диване.

— Это уже что-то, — усмехнулась она, ставя передо мной кружку. — Что будешь делать?

Я сделала глоток. Кофе обжёг язык, но я не почувствовала вкуса. Только горечь, которую я слишком хорошо знала.

— Еду домой, — сказала я. — Я должна посмотреть ему в глаза. Утром. В свете дня. Я должна знать, что он скажет.

— А если он скажет, что не любит тебя?

— Тогда я просто уйду, — сказала я. — Навсегда.

Таня смотрела на меня долгим взглядом, а потом кивнула.

— Хочешь, я поеду с тобой?

— Нет, — покачала я головой. — Это я должна сделать сама.

Я допила кофе, оделась в те же джинсы, в которых была вчера, и вышла из Таниной квартиры.

Утро встретило меня холодом и серым небом. Я смотрела на небо и думала о том, что моя жизнь разделилась на «до» и «после». «До» закончилось вчера, в лифте, когда я увидела размазанную тушь на своих щеках и поняла, что больше никогда не буду прежней.

«После» начиналось сейчас.

И я не знала, сколько продлится это возрождение. Может, месяц. Может, год. Но я знала одно: я больше никогда не буду прежней Алисой. Той, которая ждала мужа с ужином и покупала бельё, которое ему нравится.

С этого момента я начинаю жить для себя.

В противном случае я просто умру.

Посмотрим.

Глава 1. Утро после

Глава 1. Утро после

У Тани на диване я не спала всю ночь глядя в потолок её маленькой гостиной и слушая, как за стеной тикают часы. Я лежала в темноте, укрывшись пледом, и перебирала в голове нашу жизнь, как старую фотографию, которую выбросили на помойку, но она всё ещё держится за пальцы.

Таня не задавала вопросов. Она просто дала мне ключи, постелила диван и оставила на столе стакан воды. А когда я зашла в комнату и попыталась сказать: "Тань, я..." — она перебила: "Завтра. Всё завтра. Спи." Но я не спала. Я лежала и смотрела в темноту, и в моей голове снова и снова прокручивалась та картина: его спина, её рука на его груди, короткие ногти, бледно-розовые, как у подростка.

В семь утра я встала, умылась, надела те же джинсы, в которых была вчера, и сказала Тане:

— Я еду домой.

— Зачем? — она нахмурилась, глядя на меня с кухни. — Он там. Или она. Или они оба.

— Я хочу увидеть его утром. В свете дня. Без темноты, без улицы. Я хочу посмотреть ему в глаза, когда он будет врать.

— А если не будет? — спросила Таня. — Если он сразу признается?

— Тогда я хочу услышать это. Своими ушами.

Таня вздохнула, но не стала спорить. Она знала меня слишком хорошо. Она налила мне кофе в термос и сказала:

— Если что — звони. Я приеду.

Я кивнула и вышла.

Когда я подъехала к дому, было ещё рано. Солнце только поднималось, и его лучи скользили по крышам, окрашивая их в золотистый цвет. Я смотрела на наш подъезд, на балкон, где мы так часто сидели по вечерам, и чувствовала, как внутри меня всё сжимается. Но я заставила себя выйти из машины, войти в подъезд, нажать кнопку лифта.

Квартира встретила меня тишиной. И запахом. Его запахом, смешанным с запахом утреннего кофе — он уже проснулся. В прихожей стояли его кроссовки, на вешалке висела его куртка. Он ночевал здесь. Один. Она ушла — я проверила спальню. Простыни были смяты, на подушке остался след от её головы, но её не было. Она ушла ночью, оставив меня с этим запахом и этими смятыми простынями.

Я прошла на кухню, заварила чай, села у окна и стала ждать.

Я сидела неподвижно, как каменное изваяние, и смотрела на закрытую дверь спальни. Мне хотелось посмотреть ему в глаза. Прямо сейчас. Пока он не придумал оправдания, пока не надел маску «уставшего мужа», в которой ходил последние полгода.

Дверь открылась через полчаса.

Он вышел в той самой рубашке, которую я купила ему на прошлый Новый год. Дорогая, итальянская, которая идеально сидела на его плечах. Я помню, как долго выбирала её, как переживала, подойдёт ли цвет к его глазам. Он был взъерошенным, небритым, и выглядел так, будто сам не спал всю ночь. Или спал, но беспокойно. Он зевнул, потянулся и, увидев меня, замер.

— Ты чего так рано? — спросил он, и в его голосе не было удивления. Только досада. Как будто я пришла не вовремя. — Я думал, ты у Тани.

Голос его звучал ровно. Спокойно. Без грамма вины.

Я смотрела на его руки. Он закатал рукава, и я видела его запястья, сильные, с выступающими венами. Те самые руки, которые обнимали меня ночью. Теперь они обнимали другую.

— А что, если бы я была у Тани? — спросила я. — Ты бы позвонил мне? Сказал, где был? Он дернул плечом, прошел к холодильнику, открыл его и стал рыться в поисках йогурта.

— Ты сама сказала, что хочешь побыть одна. Я не хотел тебя беспокоить, — он говорил это в стену холодильника, не глядя на меня. — Кстати, а у нас есть что-то на завтрак? Я жутко голоден.

Вот оно. Снова. Бытовая ложь, приправленная заботой о желудке.

— Максим, — сказала я, и мой голос дрогнул. — Я знаю.

Он замер. Рука с йогуртом застыла в воздухе. Он медленно закрыл дверцу холодильника и повернулся ко мне. В его глазах мелькнула тень — не раскаяния, нет. Удивления. Как будто он не мог понять, откуда я могла узнать. Или он просто не ожидал, что я скажу это вслух.

— Что ты знаешь? — спросил он, и голос его стал тише.

— Что ты не был на работе. Что ты был с ней. В нашей кровати. Я видела вас. Я приехала домой, Максим. Я открыла дверь нашей спальни и увидела вас. Её руку на твоей груди. Её волосы на моей подушке. Её короткие ногти. Как у школьницы.

Я сказала это вслух. И эти слова повисли между нами, как тяжёлый, ядовитый газ. Я ждала, что он начнёт отпираться, врать, кричать, что я всё выдумываю. Но он просто поставил йогурт на стол и вздохнул. Тяжело, устало, как будто я заставила его нести неподъёмный груз.

— Алиса, давай не при детях.

— Детей нет. Они в школе. Или ты забыл?

Он подошёл к столу, сел напротив меня, устало потер лицо ладонями. Какое-то время мы молчали. Я смотрела на его лысеющую макушку, на которую он тратил кучу денег на шампуни «от выпадения», и думала: «Как же я могла любить этого человека? Как я могла целовать эту голову, когда он засыпал у меня на плече?»

— Это не то, что ты думаешь, — начал он наконец, поднимая на меня глаза. В них была тоска. Или это играл свет? — Я просто запутался. Мы... мы отделились, Алис. Ты сама знаешь.

— Мы отделились, потому что ты перестал разговаривать со мной, — сказала я тихо. — Ты перестал смотреть на меня. Ты смотрел сквозь меня.

— Я устал, — огрызнулся он. — У меня работа, стресс. А ты... ты только и делала, что ныла. Деньги, быт, дети.

Я рассмеялась. Горько, тихо, почти беззвучно.

— Я ныла? Я просила тебя помочь мне с уроками твоего сына, потому что у меня самой опускались руки от этой тупой математики. Я просила тебя свозить нас на море, потому что мы три года не были в отпуске. И да, я ныла, Максим. Потому что мы превратились в соседей по квартире, которые иногда занимаются сексом по расписанию. По твоему расписанию, боже упаси, в субботу вечером, ровно в десять, пока ты не уснул перед телевизором.

Он молчал. Сжал челюсти. Я знала этот жест — он злился. Он ненавидел, когда я была права. Он всегда переводил стрелки, когда чувствовал, что проигрывает.

— Ты не понимаешь, — выдавил он.

— Объясни мне, — сказала я, чувствуя, как внутри нарастает холодная, кристальная ясность. — Объясни, как можно трахать девочку, которая младше твоей дочери, и называть это «запутанностью»?

Он вздрогнул. Я попала в точку. Наша дочь, Лена, училась на втором курсе. И у неё была ровесница, которая спала с её отцом. Господи, какая мерзость.

— Оставь Лену в покое, — рявкнул он. — Это не имеет к ней отношения.

— Имеет! — Я стукнула ладонью по столу, и чашка с остывшим чаем подпрыгнула. — Всё имеет, Максим! Ты разрушаешь нашу семью не только ради секса с молодым телом. Ты разрушаешь её веру в мужчин. В отцов. В будущее. Ты делаешь это не только мне. Ты делаешь это своим детям.

Максим встал, отодвинув стул с грохотом. Я видела, как его трясёт от злости. Он любил быть героем в своей голове, а я только что разбила этот образ вдребезги.

— Хватит! — Он навис надо мной. — Что ты хочешь услышать? Что я больше не люблю тебя? Хорошо, не люблю. Что она лучше? Да, она лучше. Она не пилит меня, не устраивает сцены, она просто... радуется жизни. В отличие от тебя.

Я смотрела на него снизу вверх. Этот человек, которого я знала двадцать лет, вдруг стал чужим. А может, он всегда был таким, просто я не хотела замечать.

Внутри меня что-то щелкнуло. Не сердце — механизм. Стоп-кран. Я перестала чувствовать боль. Я стала просто наблюдателем.

— Хорошо, — сказала я, поднимаясь из-за стола. — Ты не любишь. Она лучше. Это твой выбор.

Он опешил. Он ждал скандала, слёз, битья посуды. Он готовился к защите, а я сложила оружие.

— Собирай вещи, — добавила я. — Сегодня же.

— Что? — Он замер.

— Ты слышал. У тебя есть два часа. Я позвоню юристу.

И тут я увидела это. Страх. Он появился в его глазах. Быстро, ярко, как вспышка молнии. Он не боялся потерять меня. Он боялся потерять комфорт, уют, дом, в котором всё работало без его участия. Он боялся, что придётся платить алименты, делить имущество, объяснять дочери.

— Алиса, давай остынем, — сказал он, меняя тактику. Голос стал мягким. Почти ласковым. — Не принимай решений сгоряча.

Я покачала головой.

— Я принимаю решение холодно, Максим. Я всё решила ещё в лифте, когда ты написал мне «спокойной ночи» с её постели.

Он побледнел. Теперь он понял, что я видела всё. Не просто догадывалась — видела. Я стояла там, в полумраке, и смотрела на них. И он не знал. Он спал, а я стояла и смотрела на его спину, на её руку, на её короткие ногти.

Я вышла из кухни, оставив его стоять в растерянности. Зашла в ванную, закрыла дверь, включила воду. И только когда звук воды заглушил всё вокруг, я позволила себе согнуться пополам, уткнуться лицом в сложенное полотенце и завывать.

Я рыдала. Я рыдала не потому, что он уходит к другой. Я рыдала от облегчения.

Наконец-то. Наконец мне не нужно больше притворяться, что мы счастливы. Наконец не нужно делать вид, что я не замечаю, как он смотрит в телефон с улыбкой, которая давно не предназначалась мне. Наконец можно просто разбиться вдребезги, чтобы потом собрать себя заново.

Я подняла голову и посмотрела в зеркало. На меня смотрела заплаканная, опухшая женщина с сединой в корнях волос. Сорок два. С морщинками вокруг глаз, которые я так ненавидела. С обвисшей кожей на подбородке, которую я прятала за воротником водолазок.

Но в её глазах уже не было той покорной, усталой Алисы.

Там горела маленькая, злая искра.

И эта искра обещала мне, что я выживу. Что я не просто выживу — я стану сильнее.

Я умылась ледяной водой, вытерла лицо и надела свои любимые джинсы — те, которые Максим называл «мешковатыми» и просил меня не носить. Они были удобными. Они были моими. И я хотела чувствовать себя собой, когда сделаю следующий шаг.

Я взяла телефон и набрала номер подруги.

— Тань, — сказала я в трубку. — Привет. У меня ситуация.

Таня молчала секунду, а потом спросила:

— Ты нашла его?

— Он нашёл себя, — усмехнулась я. — В постели с малолеткой. Я выгоняю его. Собираюсь подавать на развод.

— Иди ко мне, — сказала она без лишних слов. — Я ставлю чайник.

Я убрала телефон в карман, надела куртку и вышла из ванной. Максим стоял в коридоре, бледный, растерянный, сжимая в руках ключи от машины. Он не знал, что делать. Он не знал, что говорить. Он просто смотрел на меня, как на призрака.

— Я уйду, — сказала я, проходя мимо. — Когда я вернусь, тебя здесь быть не должно.

— Алиса...

Я не обернулась. Я вышла за дверь, закрыла её и прислонилась спиной к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле, но я не плакала. Я просто стояла и ждала, когда пройдёт эта дрожь.

А потом я пошла к лифту.

И вот так начинается новая жизнь. С чайника у подруги.

Глава 2. Чай, печенье и тактика выжженной земли

Глава 2. Чай, печенье и тактика выжженной земли

У Тани пахло корицей и почему-то мокрой собакой, хотя собаки у нее не было уже два года. Этот запах вьелся в ее уютную, захламленную квартиру навсегда, как и сама Таня — в мою жизнь. Мы дружили с института, она видела меня и влюбленной, и беременной, и с послеродовой депрессией, и сейчас — в состоянии «меня только что переехал грузовик, но я почему-то еще дышу».

Она не стала меня обнимать, когда я переступила порог. Просто взяла за руку, притянула к столу и поставила передо мной кружку с чаем.

— Пей, — сказала она. — Ты выглядишь как зомби, которого забыли похоронить.

— Спасибо за лестную характеристику, — выдавила я, сжимая ладонями горячую кружку. Тепло разливалось по пальцам, возвращая меня к реальности.

Таня села напротив, подперла голову рукой и уставилась на меня своими цепкими, серыми глазами. Она всегда смотрела так, будто видела меня насквозь — все мои страхи, сомнения, мелкие грешки. Я ненавидела и любила ее за это одновременно.

— Рассказывай, — коротко бросила она. — Без соплей. По делу.

Я сделала глоток. Чай обжег язык, и это было чертовски приятно. Боль помогала сосредоточиться.

— Я пришла домой раньше. Застала их. В нашей кровати. Она спала с ним в обнимку.

Таня даже бровью не повела. Только кивнула, как будто подтверждая свои собственные догадки.

— Я так и знала, — сказала она спокойно. — Я видела его полгода назад на корпоративе. Он пялился на ту девчонку из отдела маркетинга, пока ты стояла рядом и улыбалась, как идиотка.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но она перебила:

— Не обижайся. Я говорю это не чтобы тебя унижить, а чтобы ты поняла: ты закрывала глаза на очевидное. Мы все это видели. Ты была в своем мирке «мы же семья», а он давно жил своей жизнью.

Я поставила кружку на стол. Руки дрожали, но уже не от страха — от злости.

— Я дура, да?

— Ты не дура. Ты была влюблена. Это хуже любой глупости, — Таня усмехнулась и потянулась за пачкой печенья. — Ладно. Давай к делу. Ты сказала, что будешь подавать на развод. Ты думала о последствиях?

Я задумалась. Последствия... До этого я думала только о том, как ему больнее сделать. Как выгнать его из дома, как заставить страдать. Но теперь, когда я сидела здесь, в теплой кухне, вдруг навалилась пустота.

— У нас общий бизнес, — сказала я тихо. — Точнее, его бизнес. Я бросила свою карьеру десять лет назад, чтобы сидеть с детьми и заниматься домом. У меня нет своей машины. Счет в банке? Пара тысяч на карте. Ипотека на квартиру оформлена на него. Но я прописана там.

Таня слушала внимательно, закинув ногу на ногу. Она работала в юридической конторе, и я знала, что сейчас она уже просчитывает все варианты в голове, как шахматист.

— Бизнес его, но ты участвовала в его создании? — спросила она.

— Да. Помогала на старте. Вела бухгалтерию, пока мы не наняли специалиста.

— Тогда это совместно нажитое имущество. Даже если он оформлял все на себя, ты имеешь право на долю. Суд это установит.

Я кивнула. Мне казалось, что я должна чувствовать облегчение, но внутри разрасталась пустота. Деньги — это было понятно. А как быть с тем, что я не знаю, кто я теперь?

За окном уже светало, и солнце пробивалось сквозь грязные окна Таниной кухни. Я смотрела на свет и думала о том, что моя жизнь изменилась за одну ночь. Вчера я была женой, матерью, хранительницей очага. Сегодня я — просто женщина, которую предали.

— Что тебе нужно сейчас? — спросила Таня, выводя меня из оцепенения.

Я перевела на нее взгляд.

— Не знаю. Мне нужно, чтобы он ушел. Сегодня.

— Это реально. Ты можешь выгнать его, если хочешь. Даже полицию вызвать, если понадобится. Я знаю участкового в вашем районе, он сделает все правильно, если будет нужно. Но... ты уверена? Может, сначала переговорить?

— О чем? — я почувствовала, как голос снова становится металлическим. — О том, как он разрушил мою жизнь? Он уже все сказал сегодня утром. Что я нытик, что я ему надоела, что она лучше. Мне больше нечего обсуждать.

Таня вздохнула и взяла мою руку.

— Хорошо. Тогда давай пошагово. Первое: ты идешь к юристу. Я дам тебе контакты проверенного человека. Второе: ты не даешь ему манипулировать тобой через детей. Лена уже взрослая, но Артем еще подросток. Он сейчас в том возрасте, когда любая нестабильность в семье — катастрофа. Будь готова к тому, что он может обвинить тебя. Или его. Кто-то из вас станет козлом отпущения.

Артем. Мой сын. Ему пятнадцать. Мы с ним недавно поссорились из-за оценок, и он наговорил мне гадостей. Тогда Максим, как обычно, встал на его сторону, сказал, что я слишком требовательна. Я думала, что это просто подростковый кризис. Теперь я понимала, что Максим специально настраивал сына против меня. Чтобы я была одна.

Мерзавец.

Я сжала кружку так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Артем не знает, — сказала я. — Он в школе сейчас. Я не знаю, как ему сказать. И Лене. Господи, как я скажу им, что их отец — мудака, который променял нас на девочку младше их сестры?

— Скажешь правду, — Таня пожала плечами. — Но не сейчас. Сегодня тебе нужно просто пережить день. Выйди из дома, где тебя ничего не будет держать. Поживи у меня. Ну, или в гостинице. Подумай.

Я кивнула. Мысли путались, но внутри меня что-то крепло — странное, почти воинственное чувство. Я больше не хотела плакать. Я хотела действовать.

— Тань, — сказала я, поднимая на нее глаза. — Я хочу, чтобы он ушел сегодня. Я хочу, чтобы он понял: я не буду терпеть унижение. И если он думает, что я сломаюсь и буду умолять его вернуться, он ошибается.

Таня улыбнулась. Это была жесткая, понимающая улыбка.

— Вот это я люблю, — сказала она. — Теперь ты похожа на себя.

Я встала, чувствуя, как силы постепенно возвращаются. Ноги все еще дрожали, но я могла стоять прямо. Я взяла телефон и увидела сообщение от Максима. Он написал всего одно слово: «Приходи домой. Поговорим».

Я усмехнулась. Он хотел поговорить. Сейчас, когда я видела его насквозь, когда он стал для меня чужим. Я не ответила. Просто убрала телефон в карман.

— Мне нужно съездить домой, — сказала я Тане. — Забрать свои вещи. Он должен уйти, пока я там.

— Я с тобой, — Таня встала и схватила куртку. — Не хочу, чтобы ты снова наткнулась на его слюни с этой малолеткой.

Мы вышли из квартиры, и воздух улицы ударил в лицо свежестью. Город жил своей привычной жизнью: машины, люди, звуки. Все как обычно, только мой мир перевернулся. Но что-то подсказывало мне, что я еще не раз удивлюсь тому, насколько сильной могу быть.

Мы подъехали к моему дому. Я смотрела на знакомый подъезд и чувствовала, как внутри все сжимается. Но я не остановилась. Я открыла дверь, вошла в лифт и нажала кнопку своего этажа.

Когда мы зашли в квартиру, он был там. Сидел на диване, нервно теребя в руках ключи. Увидев Таню, он скривился, как от зубной боли.

— Алиса, — начал он, вставая. — Нам нужно поговорить наедине.

Я посмотрела на него. Моя грудь сжалась от боли — в который раз за сегодня. Но я пересилила себя и сказала ровным голосом:

— Мы уже все сказали. Ты уходишь. Сейчас. Или я звоню в полицию.

Максим побледнел. Он явно не ожидал, что я так быстро перейду к действиям. Он хотел играть в свои игры, тянуть время, манипулировать. Но я больше не была той женщиной, которая велась на его уловки.

— Ты серьезно? — спросил он, делая шаг вперед.

— Как никогда, — ответила я. — Ты сам выбрал. Теперь живи с этим.

В его глазах мелькнуло что-то — то ли страх, то ли удивление. Но я не дала себе времени размышлять. Я прошла мимо него в спальню, открыла шкаф и начала собирать свои вещи.

За спиной я слышала, как Таня говорит ему что-то тихо, но жестко. Как он пытается возражать, но голос его срывается. Мне было все равно. Я больше не хотела слышать его голос.

В ящике комода лежало наше с Максимом совместное фото — мы на море, я смеюсь, он обнимает меня за плечи. Тогда я была счастлива. Я взяла фото в руки, посмотрела на него и вдруг поняла: я не хочу его брать с собой. Это прошлое. Мертвое прошлое.

Я положила фото обратно. И закрыла ящик.

Сборы заняли не больше получаса. Я взяла только самое необходимое: одежду, документы, ноутбук. Выходя из спальни, я увидела, что Максим все еще стоит в коридоре, сжимая кулаки.

— Ты пожалеешь, — сказал он.

Я остановилась и посмотрела на него. В его словах звучала угроза, но теперь она не пугала меня. Я видела его насквозь — это был просто страх. Страх потерять контроль.

— Нет, Максим, — ответила я. — Это ты пожалеешь. Очень скоро.

Мы вышли из квартиры, и я не обернулась. Я слышала, как за спиной захлопнулась дверь, и поняла, что сделала первый шаг к своей новой жизни.

Таня тронула меня за плечо.

— Ты молодец, — сказала она. — Сложно. Но ты справишься.

Я кивнула, чувствуя, как слезы снова подступают к глазам. Но я не дала им пролиться. Я сделала глубокий вдох и вышла на улицу.

Солнце уже поднялось высоко, и его лучи согревали лицо. Я шла по улице, и мне казалось, что я иду не по асфальту, а по тонкому льду. Он трещал под ногами, но я не останавливалась.

Впереди меня ждала неизвестность. И впервые за многие годы я хотела шагнуть в нее, не оглядываясь назад.

Глава 3. Юрист. Цифры. Правда

Глава 3. Юрист. Цифры. Правда

Юрист сидел напротив меня в кресле, которое скрипело при каждом его движении, и смотрел на меня поверх очков. У него было лицо человека, который за свою жизнь видел столько разводов, что мог бы написать энциклопедию. И никакая трагедия в моем голосе его не проняла — только факты. Сухие, как спички.

— Алиса Викторовна, — сказал он, перелистывая мои документы. — Начнем с главного. Квартира. Вы говорите, она оформлена на мужа?

— Да. Мы купили ее в браке, но в договоре указан только он. Я тогда была в декрете, мы думали, что это проще.

Юрист — его звали Сергей Петрович — снял очки и потер переносицу.

— Это не проблема. Квартира куплена в браке, значит, это совместно нажитое имущество. Даже если вы не указаны в договоре, суд признает вашу долю. При разводе вы имеете право на половину или, если дети остаются с вами, суд может присудить вам большую часть.

Я выдохнула. Это было облегчением. Но он поднял палец, давая понять, что радоваться рано.

— Однако есть нюанс. — Он положил передо мной бумагу. — Ваш муж, как вы сказали, владеет бизнесом. Сеть магазинов стройматериалов. Вы знаете, какова его реальная прибыль?

Я задумалась. Мы редко говорили о деньгах. Максим всегда управлял финансами, я получала определенную сумму на дом, на детей, на себя. Он говорил, что бизнес то растет, то падает, и мы должны быть экономными. И я верила. Я же была дура, которая верила.

— Я не знаю точно, — призналась я. — Он не делился со мной деталями. Говорил, что я слишком переживаю из-за цифр.

Сергей Петрович усмехнулся. Это была невеселая усмешка.

— Типичная ситуация. Муж ведет бизнес, жена сидит дома, и когда дело доходит до развода, оказывается, что бизнес «убыточен», долги растут, а зарплата минимальная. Ваш Максим, судя по его документам, которые я успел посмотреть, за последние три года вывел с предприятия около трех миллионов. Депозиты на свои счета. Но официально он получает скромную зарплату директора.

Я похолодела.

— Это значит... я ничего не получу?

— Нет, — спокойно ответил он. — Это значит, мы будем доказывать, что эти деньги — семейные. Что он выводил их в тайне от вас. Для этого нужны экспертизы, выписки, запросы в банки. Это стоит денег и времени. Но это реально.

Я смотрела на свои руки. Я никогда не думала, что наш развод будет таким. Я думала, что мы просто разделим имущество, я возьму детей и уйду. А теперь я понимала, что Максим готовился к этому дню задолго до того, как я застала его с любовницей.

Он переводил деньги. Он прятал активы. Он строил свою защиту, пока я варила ему борщи и стирала его рубашки.

— Он знал, — прошептала я. — Он готовился к разводу. А я...

— Вы не знали, — закончил Сергей Петрович. — И это нормально. Мужчины часто так делают. Но я должен вас предупредить: если он хороший адвокат, он будет тянуть время, скрывать документы, затягивать процесс. Это изматывает. Поэтому будьте готовы к долгой борьбе.

Я подняла глаза. Внутри меня закипала ярость — холодная, кристальная, как горный ручей. Он играл со мной. Все эти годы он играл.

— Я готова, — сказала я твердо. — Я не отступлю. Мне нужно, чтобы он заплатил. И не только деньги. Я хочу, чтобы он понял, что я не была просто мебелью в его жизни.

Юрист кивнул и начал что-то записывать в блокноте.

— Тогда мы подаем иск о разделе имущества. Запросим все банковские выписки. Будем добиваться вашей доли в бизнесе. Также я рекомендую подать на алименты на детей — это стандартно, и это даст вам базовую финансовую защиту.

Мы просидели еще час, обсуждая детали. Я записывала каждое слово, хотя голова шла кругом от цифр и юридических терминов. Когда я вышла из кабинета, солнце уже клонилось к закату. На улице было прохладно, и я накинула легкую куртку, которую взяла с собой.

Таня ждала меня внизу, в кафе напротив. Когда я вошла, она сразу поняла все по моему лицу.

— Плохо? — спросила она.

— Не знаю, — честно ответила я, садясь напротив. — Он готовился. Переводил деньги, прятал активы. Но юрист сказал, что это можно оспорить. Будет сложно.

Таня нахмурилась.

— Так я и знала. Этот гад всегда был жадным. Ладно, мы справимся. Что дальше?

— Дальше я звоню Лене. — Я взяла телефон, чувствуя, как тяжесть наваливается на плечи. — Я должна сказать ей до того, как до нее дойдут слухи. Или до того, как Максим сам ей расскажет. Он способен выставить меня виноватой.

Таня кивнула, понимая, сжав мою руку.

— Дочь — это самое сложное. Но она взрослая. Она поймет.

Я набрала номер Лены. Сердце билось где-то в горле. Гудки тянулись бесконечно. Наконец, она ответила.

— Мам? Ты что-то хотела? Я как раз с подругами, мы готовимся к экзаменам.

Ее голос был легким, беззаботным. Она не подозревала, что ее мир вот-вот рухнет.

— Лена, — сказала я, стараясь говорить ровно. — Мне нужно сказать тебе кое-что. Это серьезно. Ты можешь поговорить сейчас?

Пауза. Она почувствовала тревогу в моем голосе.

— Что случилось? У Артема проблемы?

— Нет. Это не о нем. — Я взяла себя в руки. — Твой отец ушел из семьи. Он... у него есть другая женщина. Я застала их вместе.

В трубке повисла тишина. Я слышала, как она дышит. Каждый вдох становился глубже. И вдруг она сказала — с холодом, который я не узнавала:

— Ты врешь. Папа не мог так поступить. Ты просто хочешь поссорить нас с ним.

Это был удар. Прямо в солнечное сплетение.

— Лена, я видела это своими глазами, — сказала я, чувствуя, как голос предательски дрожит. — Я не хочу тебе врать. Я не хочу, чтобы ты страдала. Но ты должна знать правду.

— Правду?! — Ее голос сорвался на крик. — Ты всегда ненавидела папу! Ты вечно пилила его, унижала при нас, а теперь хочешь сделать его врагом! Нет, мама. Я не верю тебе. Я позвоню ему и все узнаю сама.

Она бросила трубку. Я смотрела на телефон, и в ушах гудели ее слова. Я думала, что будет больно от предательства мужа. Но боль от предательства собственной дочери оказалась в тысячу раз сильнее.

Таня смотрела на меня с тревогой.

— Она не поверила? — спросила она тихо.

— Нет, — я прикрыла глаза, пытаясь сдержать слезы. — Она защищает его. Как и всегда. Это Максим настроил ее против меня. Он рассказывал ей, что я пилю его, что я плохая жена. И теперь она смотрит на меня как на врага.

Я вдруг поняла, что мой муж выиграл эту войну задолго до того, как я узнала об измене. Он забрал у меня детей. Не юридически, а эмоционально. Он превратил меня в злодейку в их глазах, а себя — в жертву.

Я сжала кулаки. Нет. Я не позволю ему сделать это. Я не позволю ему украсть у меня моих детей, даже если они сейчас ненавидят меня.

— Я напишу ей, — сказала я решительно. — Я напишу правду. И не буду врать или приукрашивать. Она увидит все сама.

Таня кивнула.

— Правильно. Иди сюда. — Она обняла меня, и я почувствовала, как ее тепло успокаивает мою дрожь. — Ты справишься. Мы справимся.

Я взяла телефон и начала писать Лене длинное сообщение. Не злое, не обвинительное. Просто факты. Даты. Детали. Я рассказывала все так, как было. Я не защищала себя, не нападала на отца. Просто говорила правду.

Когда я закончила, я отправила сообщение и закрыла глаза. Теперь оставалось только ждать. И верить, что время все расставит по местам.

Но глубоко внутри я уже знала, что это будет самая долгая и самая тяжелая битва. И в этой битве я не имею права проиграть.

Глава 4. Запах его одеколona и другие триггеры

Глава 4. Запах его одеколona и другие триггеры

Я проснулась на диване у Тани. Не от будильника, а от того, что не могла дышать. Сердце колотилось где-то в горле, и я схватилась за грудь, думая, что сейчас умру от инфаркта. Потом я поняла — это просто сон. Мне снилась наша спальня. И запах его одеколona. Тот самый, приторно-сладкий, который я ненавидела, но теперь он преследовал меня даже во сне.

Я села, обхватив колени руками. Голова гудела, во рту было сухо, как в пустыне. Таня уже ушла на работу, оставив на столе записку: "Яйца в холодильнике, хлеб в хлебнице. Ты справишься. Звони."

Я взяла телефон. Сообщений от Лены не было. Она прочитала мое длинное письмо вчера вечером — я видела галочки "прочитано" в мессенджере. Но она молчала. Это молчание было громче любых слов.

Зато пришло сообщение от Максима. Короткое, сухое:

"Я подал встречный иск о разделе имущества. Ты не получишь ничего. Ты сама выбрала войну, Алиса. Не жалуйся потом."

Я усмехнулась, глядя на экран. Он даже не написал "привет". Просто удар. Холодный, расчетливый, как он сам.

"Ты выбрал ее, Максим. Я выбираю себя. И не вздумай угрожать мне через детей."

Отправила. И сразу пожалела. Потому что он ответил через секунду:

"Ты уже сама настроила Лену против себя. Артем сегодня придет ко мне. Он сам так решил. Ты — плохая мать, Алиса. И ты это знаешь."

Я выронила телефон. Он упал на ковер, и я смотрела на него, как на змею. Артем. Мой мальчик. Он собирается к отцу? Мы даже не говорили с ним нормально после того дня. Я не хотела втягивать его в эту грязь, хотела подождать, пока он сам будет готов. Но Максим уже действовал. Он переманивал детей на свою сторону, пока я собирала вещи в его чемодан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.